

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	9
Кто твой отец?	
Полный газ	31
В соавторстве со Стивеном Кингом	
Карусель	83
Станция Вулвертон	131
У серебристых вод озера Шамплейн	165
Фавн	199
Запоздалые	255
Все, что мне важно, — это ты	327
Отпечаток большого пальца	369
Дьявол на ступенях	405
Твиты из Цирка Мертвых	427
«Мамочки»	453
В высокой траве	513
В соавторстве со Стивеном Кингом	
Вы свободны	575
Примечания и благодарности	618
Об авторе	636

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кто твой отец?

Каждую ночь мы имели дело с новым чудовищем. У меня была любимая книга — «Ведите плохих парней»*. Толстый сборник комиксов, который, как можно догадаться из названия, был не особо-то про героев. Это была антология историй о худших из худших, о злодеях-психопатах с именами наподобие *Мерзость* и лицами под стать именам.

И моему отцу приходилось каждый вечер мне это читать. У него просто не было выбора, вроде сделки Шахерезады: перестань он читать, я бы ни минуты не остался в постели. Я бы сразу вылез из-под одеяла с картинками из «Империя наносит ответный удар» и пошел бродить по дому в трусах со Спайдерменом, со слюнявым большим пальцем во рту и любимым замызганным покрывальцем через плечо. В подходящем настроении я мог бродить всю ночь. Так что папе приходилось читать до тех пор, пока у меня не закрывались глаза, — и даже тогда ему удавалось уйти только с обещанием, что он покурит и вернется.

(Мама утверждает, что причиной моей детской бессонницы стала травма. В пятилетнем возрасте я получил совковой лопатой в лицо и провел ночь в больнице. Это была эпоха ламп с парафином и пушистых длинноворсовых ковров; тогда курить в само-

* Bring On the Bad Guys. (Прим. *peg.*)

летах разрешалось, а родителям ночевать в палате вместе с травмированными детьми — нет. Говорят, в середине ночи я проснулся в одиночестве, не обнаружил родителей и попытался удрать. Медсестры перехватили меня, когда я брел по вестибюлю с голой попой, посадили в детскую кроватку и заблокировали решетку, чтобы я снова не выбрался. Я кричал, пока не сорвал голос. История настолько удивительно кошмарная и готичная, что, полагаю, все согласятся: это чистая правда. Я лишь надеюсь, кроватка была черной и ржавой, а одна из медсестер прошептала: «Это все ради тебя, Дэмиан!»)

Мне нравились персонажи из «Ведите плохих парней»: безумные существа, визгливо требовавшие чего-то невозможного, впадавшие в ярость, когда у них не шли на поводу; они ели руками и рвались покусать врагов. Конечно, я их любил: мне было шесть лет и у нас было много общего.

Папа читал мне эти истории, ведя пальцем от картинки к картинке, чтобы мой утомленный взгляд мог следить за действием. Если бы вы спросили меня тогда, на кого похож Капитан Америка, я бы сказал: он звучал как мой папа. И маг Дормамму тоже. А еще Сью Ричардс, Женщина-невидимка, — она тоже говорила как папа, только подражающий девчонке.

Все они были моим папой, каждый из них.

Большинство сыновей можно разделить на две группы.

Есть мальчики, которые смотрят на своих отцов и думают: *«Я ненавижу этого сукина сына! Богом клянусь, я никогда не буду таким, как он!»*

И те, кто стремится стать похожим на своего отца: таким же свободным, таким же добрым, таким же надежным. Во втором случае дети не боятся

подражать отцам в словах и поступках. Они боятся только, что у них не получится.

Сдается мне, первая категория — это дети, которые потерялись в тени своих отцов. На первый взгляд такой вывод кажется противоречащим здравому смыслу. В самом деле: парень глядит на отца и решает бежать от него как можно быстрее, как можно дальше и в другом направлении. Какое расстояние вы должны оставить между собой и своим стариком, чтобы совсем освободиться?

И все же на каждом перекрестке своего жизненного пути такой парень обнаруживает, что за его спиной стоит тот самый отец: на первом свидании, на свадьбе, на собеседовании при приеме на работу. В любой ситуации выбора он примеряет, как поступил бы отец, — и делает ровно противоположное. И противостояние будет длиться и длиться, даже если отец с сыном не разговаривают годами. Бежишь и бежишь, и ни к чему это не приводит.

Тогда как сыновья из второй категории, услышав строчку из Шекспира *«Как радует отца на склоне дней наследников отвага молодая»*, кивают и думают: «Ах, черт, как же это верно!» Они всю жизнь счастливы: ужасно, бесчестно, банально счастливы. Они вольны быть собой, потому что отцы их были такими. На самом деле, отец не отбрасывает свою тень на жизнь сына. Он, напротив, становится источником света, тем средством, что позволяет увидеть мир перед тобой чуть более ясно и найти свой собственный путь.

Стараюсь помнить, как счастлив я был — и как счастлив до сих пор.

В наши дни мы считаем (и это как бы само собой разумеется), что, если нам нравится фильм,

мы можем посмотреть его снова. Купить на «Ай-тюнс», скачать на «Нетфликсе», разориться на бокс-сет ди-ви-ди со всеми дополнительными видеоматериалами.

Однако года до тысяча девятьсот восьмидесятого, если ты посмотрел фильм в кинотеатре, ты, скорее всего, больше ни разу его не увидишь — разве только покажут по телевизору. Ты мог лишь прокручивать в своей памяти сцены оттуда — ненадежный, нереальный формат, хотя не совсем уж лишенный пользы. Многие фильмы в тумане наших воспоминаний кажутся лучше.

Когда мне было десять, папа принес домой «Лазердиск», это предшественник современных ди-ви-ди. Он также приобрел тогда три фильма: «Челюсти», «Дуэль» и «Близкие контакты третьей степени». Фильмы были на этих огромных, мерцающих тарелках, что отдаленно напоминали смертоносные фрисби, которые Джефф Бриджесс бросал в фильме «Трон». По двадцать минут видео на каждой стороне этого блестящего, переливающегося блюда. Когда двадцать минут истекали, отцу приходилось вставать и переворачивать диск.

Все то лето мы смотрели «Челюсти», и «Дуэль», и «Близкие контакты третьей степени» снова и снова. Диски лежали не по порядку: двадцать минут мы смотрели, как Ричард Дрейфус карабкается по пыльным склонам Башни Дьявола, чтобы достичь огней инопланетян в небе, а потом двадцать минут про то, как Роберт Шоу дерется с белой акулой и та откусывает от него половину. В конце концов они стали меньше похожи на отдельные повествования, превратившись скорее в сбивающее с толку стеганое одеяло истории, лоскуты из того, как обезумевшие люди дерут когти, чтобы спастись от бес-

пощадных хищников, и обращают глаза в поисках спасения к полным звезд небесам.

Когда тем летом я шел на озеро и нырял, открыв под водой глаза, я был уверен, что вижу, как из густого мрака на меня бросается огромная белая акула. Много раз я слышал собственный визг под водой. А стоило мне остаться в детской, я почти ждал, что мои игрушки заживут уродливой, сверхъестественной жизнью — под действием излучения от пролетающего мимо НЛО.

И всякий раз, когда мы ехали куда-то с папой, мы играли в «Дуэль».

Срежиссированная едва достигшим двадцатилетнего возраста Стивеном Спилбергом «Дуэль» рассказывала о неотесанном обывателе из Плимута (Деннис Уивер), которого в калифорнийской пустыне преследует невидимый, безымянный водитель на ревущем грузовике-цистерне «Петербилт». Эта работа была (и остается!) вспышкой на солнце от имитации Хичкока и хромированной витриной для бездонного потенциала его директоров.

Когда мы с папой ехали на машине, нам нравилось представлять, что эта цистерна едет за нами. Едва нас настигал воображаемый грузовик, папа вдавливал в пол педаль газа, притворяясь, что в нас врезались сзади или же нас грохнули сбоку, а я дергался на пассажирском сиденье и орал. Разумеется, никакого ремня безопасности. Какой был год — восемьдесят второй, восемьдесят третий? И упаковка из шести бутылок пива на сиденье между нами... Когда папа приговаривал очередную банку, она летела из окна на дорогу. Вместе с сигаретой.

Наконец грузовик давил нас в лепешку, и папа издавал пронзительный вопль; машина виляла туда-сюда по дороге (это должно было означать, что мы мертвы). Папа мог целую минуту рулить с вы-

валеным языком и сбитыми набок очками, чтобы показать, как сильно шмякнула по нам цистерна. Обязательно был взрыв, мы умирали на дороге вместе, отец и сын, и этот нечестивый восемнадцатиколесник Дьявола.

Папа читал мне про Зеленого Гоблина, тогда как мама читала «Нарнию». Ее голос тогда умиротворял (как и сейчас, впрочем), словно первый в году снегопад. Она читала про предательство и жестокую резню ровно с той же спокойной безмятежностью, что и про воскресение и спасение. Мама не религиозна, однако ты слышишь, как она читает, и словно тебя ведут в готический собор, полный света и ощущения безграничного простора.

14 Помню мертвого Аслана, который лежит на камне, а мыши грызут веревки, стягивающие его тело. Полагаю, это заложило во мне основополагающее представление о порядочности. Жить достойно — значит быть не более чем мышью, грызущей веревку. Одна мышка — немного, но если достаточно из нас примутся жевать, мы сможем освободить нечто, что убережет нас от худшего. А может, спасет и от самих себя.

С той поры я также верю, что книги работают по тому же принципу, что и закодированные шкафы: вы забираетесь в это маленькое пространство — и выходите с другой стороны, в просторный, спрятанный мир, в место, более пугающее и восхитительное, чем ваше собственное, одновременно.

Мои родители не просто читали истории — они их еще и писали. И так уж получилось, что оба в этом деле были хороши. Папа был настоль-

ко успешен в этом, что его дважды помещали на обложку «Тайм». Дважды! Его называли главным бугименом Америки. К тому времени Альфред Хичкок уже умер — кто-то ж должен был занять его место. Папа не возражал. Американский бугимен* — гиг** с хорошей зарплатой.

Директора пребывали под впечатлением от идей моего отца, продюсеров очаровывали финансовые перспективы — так что многие книги оказались экранизированы. Мой отец сдружился с уважаемым независимым кинорежиссером Джорджем Э. Ромеро. Ромеро был лохматым бунтующим автором, который в некотором смысле придумал зомби-апокалипсис для своего фильма «Ночь живых мертвецов» и в некотором смысле забыл заявить об авторских правах на идею и чья идея в результате, в некотором смысле, не принесла лично ему богатства. Так что создатели «Ходячих мертвецов» должны быть вечно благодарны Ромеро за то, что он так хорош в режиссуре и так плох в защите своих интеллектуальных прав.

Джордж Ромеро и мой отец раскопали старые комиксы того же типа: мерзкие, кровавые, они были изданы в пятидесятых, до того как кучка сенаторов и мозгоправов объединились с целью их запретить, чтобы детство у детей снова стало скучным. «*Байки из склепа*», «*Склеп ужаса*», «*Гнездо страха*»***.

Ромеро и папа решили вместе снять фильм — «Калейдоскоп ужасов», — похожий на все те кошмарные комиксы, только в форме кино. Папа даже

* Б у г и м е н (англ. Boogeyman, Boogie Man и др.) — персонаж устрашения в сказках и притчах. (Прим. ред.)

** Г и г (англ. Gig) — писательская работа (в качестве сценариста, журналиста). (Прим. ред.)

*** Tales from the Crypt, The Vault of Horror, The Haunt of Fear соответственно. (Прим. ред.)